

М.О. Тяпкин

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ И СИСТЕМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Рассматривается история формирования системы организации лесной службы, функционирования аппарата лесоправления и деятельности образовательных учреждений по подготовке кадров для лесной отрасли дореволюционной России. Показаны основные этапы реформирования системы лесоправления, проблемы функционирования центральной и местной лесной администрации, вопросы кадрового обеспечения лесной отрасли. Дана характеристика отечественной системы специального лесного образования разных уровней.

Ключевые слова: лесная служба; Лесной департамент; Корпус лесничих; вальдмейстер; форстмейстер; лесничий; лесной кондуктор; Лесной институт; низшие лесные школы.

Степень эффективности деятельности лесной отрасли в любой период ее существования зависела не только от формирования системы правового регулирования и научного подхода к ведению лесохозяйственной деятельности, но, в первую очередь, от организации службы и уровня профессиональной подготовки служащих. Лесное хозяйство дореволюционной России, находясь в процессе становления, а затем поиска оптимальной модели функционирования, испытывало острую потребность в квалифицированных кадрах, обладавших необходимыми знаниями, умениями и навыками, благонадежных, лояльных по отношению к власти, готовых отстаивать государственные интересы, зачастую вопреки своим личным, обладавших при этом известным уровнем интеллектуального и физического развития и способных нести службу в достаточно суровых условиях. Профессор М.М. Орлов справедливо отмечал, что «как бы правильно ни была установлена программа деятельности, как бы ни были хороши общие принципы, положенные в основание лесного хозяйства и лесной промышленности, успех в этих отраслях народного хозяйства может получиться только в том случае, когда личный состав деятелей в названных областях находится на надлежащей высоте своего призвания, т.е. когда он, помимо гражданских достоинств, отличается еще техническими знаниями, искусством и опытностью» [1. С. 121].

В рамках статьи мы рассмотрим ключевые вопросы организации лесной службы и деятельности лесных чиновников. Параллельно нами затронуты вопросы профессиональной подготовки кадров для занятия административных должностей разного управленческого уровня. К лесным чиновникам относились все представители центральной и местной лесной администрации, кроме лесной стражи. Вопросы служебной деятельности и подготовки кадров для лесной стражи мы вынесли за рамки статьи. На протяжении длительного времени профессиональной лесной стражи в России не существовало. Но и после того как в 1869 г. был окончательно провозглашен переход к комплектованию казенной лесной стражи на постоянной основе, общественные полесовщики и пожарные старосты продолжали функционировать в системе казенного лесного хозяйства. Единая система профессиональной подготовки лесной стражи не сложилась.

Основными требованиями к кандидатам на должности лесников и объездчиков являлись грамотность и благонадежность, а элементарные навыки лесной службы они приобретали не в учебных заведениях, а непосредственно в лесничествах при осуществлении практической деятельности.

Один из классиков отечественной литературы А.И. Куприн в своем рассказе «Черная молния» (1912) назвал лесное ведомство «распрозабытым из всех забытых ведомств». Писателю удалось одной фразой выразить отношение государства и общества к лесной службе и ее представителям. Проходившая в большинстве случаев в удаленных «глухих» местах, оторванных от культурных центров, лесная служба не была престижной и высокооплачиваемой. В чем же заключались причины подобной ситуации?

Обширность российских лесов сформировала у власти твердое убеждение в неисчерпаемости лесных ресурсов, а у населения страны – равнодушно-небрежное отношение к природным богатствам. Однако если правительство, уяснив для себя ценность лесных ресурсов, довольно скоро отказалось от такого взгляда, начав формирование системы лесоправления и лесоохраны, то отношение населения к лесу как нерукотворному объекту, которым может пользоваться всякий желающий и нуждающийся, сохраняется в народном сознании до сих пор. Отечественная лесная отрасль шла в своем развитии по пути постепенного сосредоточения в государственной собственности наиболее ценных лесных массивов и ограничения вольного лесопользования населения, что неизбежно влекло за собой конфликт интересов власти и народа. Напряженность в отношениях между населением и лесными служащими с особой отчетливостью проявлялась в периоды обострения кризисных явлений в российском обществе. Известный дореволюционный лесовод К.Ф. Тюрмер, обращаясь к своим коллегам, писал, что «мы можем с полным успехом трудиться только тогда, когда лесовладельцы и население придут к убеждению, что наша задача направлена к поднятию народного благосостояния и что мы ее действительно выполняем. Это убеждение до сих пор отсутствовало, а без него мы многого сделать не можем» [2. С. 170].

Необходимо также отметить, что на качество и престиж лесной службы оказывали влияние общая

неразвитость лесной отрасли, ее существенное отставание от западноевропейской модели и преобладание экстенсивных методов хозяйствования, когда увеличение доходности достигалось не столько за счет усовершенствования технологии, сколько за счет расширения площади лесозаготовки. Модернизация отечественного лесного хозяйства шла постепенно, и на всех этапах оно нуждалось в квалифицированных кадрах, способных реализовать исходящую от государства лесную политику.

Проблема комплектования лесной службы подготовленными кадрами обозначилась уже в первой половине XVIII в., т.е. в период становления отечественного лесного хозяйства. Реализация идеи Петра I по созданию морского флота повлекла за собой установление системы законодательного регулирования в сфере лесопользования и лесоохраны и создание специализированного управленческого аппарата. В этот период кадровый вопрос решался испытанными административными методами. Первый российский император, которого государственная польза интересовала значительно больше, чем партикулярные интересы дворян, возложил обязанности по надзору за сохранностью наиболее ценных лесных массивов, пригодных для кораблестроения, на местных помещиков, которые «могли пропитание иметь от деревень своих». Возникшая таким образом в первой четверти XVIII в. вальдмейстерская (нем. Waldmeister – лесничий) служба на несколько десятилетий превратилась в дворянскую повинность. В обязанности вальдмейстеров входило обеспечение доставки корабельного леса по рекам к судостроениям, решение лесохозяйственных вопросов, а также преследование лесонарушителей.

Дворяне относились к отправлению своих обязанностей как к неприятной и хлопотной повинности, что существенно усложняло попытки властей установить качественный надзор за состоянием ценных корабельных лесов. В декабре 1726 г. было «продавлено» решение об упразднении вальдмейстерской службы, однако возникшая угроза ценным корабельным лесам привела правительство к осознанию ошибочности такого решения. Спустя четыре года должности вальдмейстеров были восстановлены на прежних основаниях в тех губерниях, где произрастал ценный корабельный лес.

Способом укрепления кадрового потенциала лесной службы в XVIII в. являлось привлечение на нее иностранных, прежде всего, немецких специалистов, а также отправка русских молодых людей за границу для обучения лесоводству. К приглашаемым для организации отечественного лесного хозяйства на научных основаниях западноевропейским лесоводам форстмейстерам «приписывалось» по шесть местных учеников (унтер-форстмейстеров). Эта своеобразная форма научно-практической стажировки была, безусловно, полезной инициативой, однако подготовленные таким способом специалисты являлись «штучным товаром», что не снимало вопроса о систематической подготовке лесоводов. В юбилейном издании, посвященном 100-летию Лесного департамента, указывалось на то, что результаты работы иностранных форстмейстеров остались в истории в виде посажен-

ных ими рощ, но о большинстве зарубежных специалистов «не сохранилось никаких сведений» [3. С. 5–6]. Во второй половине XVIII в. предпринимались отдельные попытки наладить обучение «форштмейстерским делам» в некоторых учебных заведениях, однако систематическая подготовка специалистов для лесной отрасли начинается лишь в XIX в.

Освобождение дворян от обязательной государственной службы во второй половине XVIII в. ускорило переход к функционированию лесной отрасли на профессиональной основе. Наименование должности «вальдмейстер» постепенно исчезло из лесохозяйственного лексикона и уступило место другому – «форстмейстер», которым стали обозначать не только «выписанных» из-за границы специалистов, но и отечественных ученых-лесоводов, а также профессиональных лесных чиновников, назначаемых на должности, а не избираемых из местных дворян. Привычное для нас наименование профессии лесного специалиста «лесничий» появилось в России в результате реформы 1826 г.

Окончательный переход к профессиональной лесной службе в России произошел в конце XVIII в., когда по инициативе Павла I был учрежден Лесной департамент и составлены штаты лесного управления. Казенные леса империи поступили в ведение губернских форстмейстеров и обер-форстмейстеров, назначаемых «из людей, в лесном деле знающих». Всего было назначено 40 обер-форстмейстеров (по числу губерний) и 160 форстмейстеров. Уровень знаний, умений и навыков будущих форстмейстеров должен был определяться в ходе испытаний, проводимых в специально созданном комитете при Адмиралтейств-коллегии. Однако спустя несколько лет от практики экзаменования кандидатов было решено отказаться. Осталась лишь оценка «расторопности, поведения и нравственности» будущих чиновников.

Должности обер-форстмейстеров и форстмейстеров приравнивались к чину коллежского советника или пехотного полковника по Табели о рангах (VI класс) и титулярного советника или пехотного капитана (IX класс) соответственно. В шести самых крупных губерниях обер-форстмейстеры получали жалование больше, чем в остальных. В распоряжении каждого обер-форстмейстера находились секретарь, два канцеляриста и четыре копииста. При форстмейстерах состояли по два ученика. Обер-форстмейстерам и форстмейстерам сверх окладного жалования полагались деньги на содержание лошадей и компенсировались расходы на «прогоны», т.е. разъезды по служебным надобностям.

Первоначально обер-форстмейстеры подчинялись напрямую Лесному департаменту, минуя гражданских губернаторов. Контроль за деятельностью лесного управления в губерниях осуществлялся отделениями департамента. Такая автономия, с одной стороны, представляла возможность форстмейстерам принимать ответственные решения в интересах лесного хозяйства, а с другой – открывала дорогу для всяческих злоупотреблений служебным положением и обостряла конфликты между лесными и губернскими властями. Вариантов для злоупотреблений властью у

форстмейстеров было более чем достаточно, поэтому вскоре правительство отказалось от идеи независимости лесной администрации и поставило лесных чиновников под административный контроль губернских властей, сохранив ведомственную подчиненность обер-форстмейстеров Лесному департаменту.

Начало XIX в. ознаменовалось резким возрастанием интереса государства к получению прибыли от эксплуатации лесных ресурсов за счет расширения внутреннего рынка и экспорта лесоматериалов. Лесной департамент был включен в структуру Министерства финансов, перед которым была поставлена задача повысить качество деятельности лесного ведомства, в том числе за счет привлечения на службу подготовленных кадров. На постоянной основе начинают действовать учебные заведения, осуществлявшие подготовку кадров для лесной службы.

Первыми специализированными учебными заведениями стали Царскосельское практическое училище (1803 г.), Козельское училище (1805 г.) и частный лесной «орловский» институт, созданный в 1808 г. в Санкт-Петербурге по инициативе и на средства графа Г.В. Орлова. Первые выпускники Царскосельского училища были назначены учеными-форстмейстерами в Московскую, Тульскую, Курскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Лифляндскую губернии. Приставка «ученый» к должности форстмейстера означала, что они имеют лишь необходимые теоретические познания, а практические навыки должны будут получить во время службы.

Спустя несколько лет названные учебные заведения были объединены в одно под названием Форст-института (с 1829 г. получившего новое устройство учебной части и наименование «Лесной институт»). Высшее лесное образование всегда было тесно связано с сельскохозяйственным, а сам Лесной институт некоторое время находился в ведении Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. Будущие лесничие могли также получить специальное лесное образование в Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства (1816 г.), Петровской земледельческой и лесной академии (1865 г.) и других заведениях подобного профиля, однако именно Лесной институт являлся основным высшим учебным заведением, задачей которого являлась подготовка «способных и сведущих чиновников к исправлению должностей по лесной части и соединенной с оной землемерной». Получение профильного высшего образования постепенно становилось важнейшим квалификационным требованием при назначении кандидатов на должности лесничих, их помощников и подлесничих. По мнению Ф.К. Арнольда, «уровень нравственных качеств лесничих значительно возвышался по мере все большего и большего поступления на службу в Корпус лесничих людей с высшим образованием» [4. С. 468].

По положению об институте 1829 г. к абитуриентам, достигшим 12–15-летнего возраста, предъявлялись требования по физическому здоровью и наличию познаний в русском языке и арифметике. Наиболее успешные из выпускников (I и II разрядов) становились лесничими, а окончившие институтский

курс с меньшими успехами (по III разряду) назначались на самые нижние должности в системе лесоправления [5. С. 428–432]. В основу деления на разряды были положены два критерия: поведение и оценки. К I разряду относились выпускники, которые «при хорошем поведении оказали отличные успехи в главнейших, особенно, лесных науках, а в прочих, по крайней мере, хорошие»; во II разряд попадали те, кто имел по профилирующим предметам хорошие, а по прочим – посредственные познания; специалистами III разряда становились «троечники», имевшие по всем предметам «посредственные сведения». Самые способные воспитанники могли рассчитывать на стажировку за границей, преимущественно в германских княжествах. Учитывая насущные потребности отрасли, Лесной департамент в середине XIX в. стремился лучших выпускников определять в таксаторские партии для проведения лесоустроительных работ.

Одновременно высшие учебные заведения, по мере возможностей, являлись научно-практическими центрами лесной отрасли. В 1834 г. при институте было сформировано Лисинское учебное лесничество, хозяйство которого должно было являться образцом как с административной, так и с лесоводческой точки зрения. По окончании шестилетнего изучения теоретических основ будущей профессии выпускники института определялись на практику в учебное лесничество сроком еще на один-два года. С 1859 г. при Лесном институте стали действовать своего рода курсы профессиональной переподготовки. Они предназначались для лиц, окончивших университетский курс обучения и желавших получить теоретические знания и практические навыки в сфере лесоводства. В течение первых восьми месяцев будущие лесные офицеры проходили ускоренный курс обучения, а затем в течение такого же времени стажировались в Лисинском учебном лесничестве.

Деятельность первых специализированных учебных заведений по подготовке лесоводов не могла в одночасье решить кадровую проблему лесной отрасли. По данным Ф.К. Арнольда, в период с 1800 по 1838 г. из лесных учебных заведений было выпущено 247 специалистов. К моменту образования Министерства государственных имуществ в 1837 г. только чуть более 16% чиновников, состоявших на лесной службе, имели специальное образование [6. С. 4]. Известный отечественный лесовод, лесничий, преподаватель Лесного института Н.М. Зобов в 1858 г., описывая кадровую ситуацию в отечественном лесном хозяйстве, отмечал, что «у нас есть между лесничими бюрократы, продавцы леса, счетчики, приказчики, преследователи безбилетно провозимых лесных изделий, светские щеголи, военные косточки, одним словом, есть чиновники по лесной части, но еще мало лесничих» [7. С. 58].

Дефицит специалистов, имеющих требуемый уровень образования, был весьма ощутимым. Отсутствие квалифицированных кадров, в особенности на местах, приводило к тому, что правильного, т.е. научно обоснованного, лесного хозяйства в казенных лесничествах в первой половине XIX в. практически не суще-

ствовало. Еще хуже обстояли дела в частных лесовладениях, судьбу которых помещики часто доверяли совершеннейшим дилетантам.

Отсутствие единой системы ведения лесного хозяйства приводило к волонтаризму местных лесных чиновников, определявших обороты рубок и объемы лесоотпуска по собственному усмотрению. Результатом стало развитие лесной отрасли по экстенсивному пути. В отдельные годы доходы, получаемые от лесоэксплуатации, практически равнялись расходам на содержание аппарата лесоуправления. Состояние лесной отрасли требовало немедленной модернизации и решения кадровой проблемы.

Первый существенный шаг в этом направлении был сделан в 1837 г., когда было создано специализированное ведомство по управлению государственными, в том числе лесными имуществами. Возникнув в начале XVIII в., лесная служба на протяжении длительного периода времени являлась структурной частью сначала военно-морского, затем финансового ведомства (с 1802 г.), но с 1837 г. окончательно «обособилась» в учреждении, отвечавшем за эксплуатацию государственных земельных и лесных ресурсов (1837–1894 гг. Министерство государственных имуществ, 1894–1905 гг. Министерство земледелия и государственных имуществ, 1905–1915 гг. Главное управление землеустройства и земледелия, 1915–1917 гг. Министерство земледелия). С 1843 г. возобновил свою деятельность Лесной департамент, вновь сосредоточивший в своих руках управление казенными лесами империи. Спустя два года после учреждения Министерства государственных имуществ был сформирован Корпус лесничих, ставший одним из четырех гражданских учреждений с особой военизированной структурой и характером управления (Корпус инженеров путей сообщения, Корпус горных инженеров, Корпус межевых инженеров) [8. С. 111–119].

По мнению Л.Е. Шепелёва одной из причин появления военных корпусов в гражданских ведомствах являлось «стремление привлечь на весьма не привлекательную в дореформенное время службу молодых людей привилегированных сословий, дав им военные чины и военные мундиры» [9. С. 164]. И.В. Шутов писал, что смысл появления военизированного управления в составе гражданского ведомства виделся в необходимости повышения престижа профессии лесовода, укрепления служебной и исполнительской дисциплины [10. С. 35].

Все служащие лесного управления Министерства государственных имуществ, состоявшие в нем на момент учреждения Корпуса лесничих, зачислялись в его состав, но лишь «отличнейшие из них» переаттестовывались в военную службу с получением чина и всех имеющихся у военнослужащих прав и преимуществ. Штатная численность лесных офицеров возросла, их должностные оклады были повышены, что повлекло за собой увеличение объемов выделяемых на содержание лесной отрасли бюджетных средств.

Командир Корпуса лесничих – инспектор имел генеральское звание и подчинялся непосредственно министру государственных имуществ. В Корпусе учреждались должности вице-инспекторов, ученых и

запасных лесничих, а для ведения следственных и судебных дел – Лесной аудиториат. Должность губернского лесничего по своему статусу была приравнена к должности командира армейского пехотного полка (воинское звание от майора до полковника). Подчинявшийся губернскому, окружной лесничий, возглавлявший самое важное или наиболее крупное лесничество, имел права командира батальона, поскольку в его распоряжении находилась поселенная военно-лесная стража в количестве, равном численности стрелкового батальона. Остальными лесничествами заведовали младшие лесничие, лесные участки находились в ведении подлесничих, имевших права ротных командиров.

Лесной институт также был преобразован в военно-учебное заведение. Произошли существенные изменения в организации и содержании учебного процесса. Было увеличено количество обучающихся (до 200 человек), открыты межевое отделение (в связи с чем в название института добавилось слово «межевой») и офицерский класс. В 1847 г. было принято новое положение о Лесном и межевом институте, в соответствии с которым студентами могли стать юноши, имевшие уровень образования не ниже четырех классов гимназии. Срок теоретического обучения в институте составлял три года, за которыми следовал годичный курс практической подготовки в Лисинском учебном лесничестве.

По инициативе первого министра государственных имуществ П.Д. Киселева, возглавлявшего Министерство с 1837 по 1856 г., была проделана объемная работа по модернизации системы лесоуправления, повышению привлекательности лесной службы и эффективности деятельности лесных чиновников. Опираясь на зарубежный опыт, министр в целях «возбуждения деятельности служебной и умственной» у лесных офицеров предложил выплачивать им денежные премии за успешное разведение леса в местах степных и безлесных, проведение осушительных, мелиоративных, других лесокультурных и лесоинженерных работ, открытие новых источников лесных доходов, предложение мер по совершенствованию лесного хозяйства и т.п. Николай I одобрил предложение и в 1843 г. утвердил положение, в соответствии с которым премии делились на три степени: высшую, среднюю и низшую (600, 400 и 250 руб.) [11. С. 210–213]. Для сравнения, размер годового денежного содержания, установленный при учреждении Корпуса лесничих, составлял для окружных лесничих от 2 200 до 2 400 руб., лесничих – от 1 400 до 1 600 руб., подлесничих 1 200–1 400 руб.

Недостатком было то, что премиальный фонд формировался из остатков сумм, отпускаемых на содержание лесного ведомства, их размер был ограничен тринадцатью премиями в год. Процедуру оформления представления на получение премии сопровождала бюрократическая волокита. Соискатели премий самостоятельно направляли описание своих достижений или суть предложений по совершенствованию лесохозяйственного механизма в губернскую палату государственных имуществ (казенную палату), которая на основании коллегиального решения составляла

представление и направляла его в Лесной департамент. Окончательное решение о премировании принималось специальным лесным комитетом Министерства государственных имуществ и утверждалось министром.

Еще в начале XIX в. для поощрения форстмейстеров к ревностному исполнению должностей правительство установило надбавки к их жалованью в размере 2–3% с прибыли от продажи казенного леса. От практики получения процента с взимаемых в пользу казны штрафов за обнаруженную лесными служащими самовольную порубку было решено отказаться, так как она порождала служебные злоупотребления, но правило материального вознаграждения тем, кто «особым усердием значительно возвысит лесные доходы развитием торговли и промышленности без малейшего оскудения лесов», продолжало действовать на протяжении всего дореволюционного периода [12. С. 214]. Единственным ограничением было то, что ежегодная денежная прибавка не должна была превышать 50% от получаемого лесничими жалованья и так называемых столовых денег.

По инициативе П.Д. Киселева в ведомстве были сформированы специальные «капиталы» прибыльный, экстраординарный, на очистку лесных дач, вспомогательный для лесной стражи, ремонтный, фуражный, наградной. Фонды формировались за счет отчислений от продажи древесины из казенных дач и являлись финансовым резервом руководства министерства. В последующие годы наименование «капиталов» менялось, но смысл оставался прежним – обеспечение определенной финансовой независимости лесного ведомства от бюджетных ассигнований. Несмотря на постоянное недофинансирование, Лесной департамент направлял эти капиталы не только на модернизацию отрасли, но и находил возможность оказывать финансовую помощь государственному казначейству. Речь идет, например, о перечислении полумиллиона рублей на армейские нужды для ведения Венгерской и Крымской военных кампаний [3. С. 117].

Нерадивое исполнение должностных обязанностей лесными чиновниками могло повлечь за собой наступление дисциплинарной или материальной ответственности. Так, например, за упущения в ведении следствия по делам о самовольных порубках к ответственности могли быть привлечены полицейские и лесные чиновники. Если в двухмесячный срок лесным чиновником не были произведены необходимые действия для открытия совершенного правонарушения, в результате чего виновные в лесонарушении не были обнаружены, на него возлагалась обязанность возместить нанесенный лесовладельцу ущерб.

Модернизация системы организации лесной службы подразумевала также перераспределение обязанностей между существующими и появлением новых должностей. После реформирования системы местного управления государственными имуществами, продолжавшегося на протяжении семи лет, начиная с 1838 г., должности окружных лесничих были упразднены, а общий надзор за состоянием лесного хозяйства в губерниях был передан лесным ревизорам. Должно-

сти лесничих и подлесничих были унифицированы под общим названием «лесничий».

С 1846 г. в отечественном лесном хозяйстве появляется новая должность кондукторов, которыми становились лучшие воспитанники егерских училищ, успешно выдержавшие установленные испытания [13. С. 635–636]. Подобное наименование должности использовалось и ранее, например, по отношению к выпускникам Лесного института (до того как он стал высшим учебным заведением в 1848 г.), по окончании ими теоретического курса и перед продолжением практического обучения в Лисинском учебном лесничестве. Однако с 1846 г. кондукторы стали рассматриваться в качестве ближайших помощников лесничих.

Системы среднего специального лесного образования в дореволюционной России не сложилось. С известной долей условности к средним специальным лесным учебным заведениям можно отнести егерские училища, самым известным из которых являлось Лисинское училище, сформированное на основе одноименного учебного лесничества. Оно начало свою работу в 1835 г. и пережило за период своего существования множество реорганизаций. Первоначальное предназначение училища заключалось исключительно в подготовке кадров для частного лесного хозяйства, поэтому в нем учились преимущественно крепостные люди крупных лесовладельцев. После создания Министерства государственных имуществ и проведения в течение нескольких лет масштабной реформы системы лесопользования Лисинское егерское училище стало готовить кондукторов, лесных объездчиков и стрелков для казенных лесов. После принятия в 1869 г. нового положения училище расширилось и было переименовано в лесное [14. С. 120–122]. Однако в 1888 г., одновременно с принятием Положения о низших лесных школах, оно было закрыто.

Относительно непродолжительный период времени существовали училища в Московской (Островское, с 1844 г.), Гродненской (Сокольское, с 1847 г.), Липецкой (Липецкое, с 1858 г.) губерниях и др. Кроме того, было открыто несколько школ лесников, в которых готовились кадры для проведения лесовосстановительных работ на юге России. Однако дефицит преподавательских кадров и отсутствие экономической целесообразности привели к постепенному закрытию училищ (Островское закрыто в 1859 г., Сокольское – в 1863 г., Липецкое – в 1860 г.).

При поступлении в училище отдавалось предпочтение детям лесных стражников. Вступительные испытания ограничивались проверкой знаний четырех арифметических правил и умения читать и писать. Трехлетний учебный курс егерского училища не включал в себя большинства теоретических предметов, преподававшихся в других средних учебных заведениях. Основной упор делался на формирование у воспитанников практических навыков лесной службы.

Прошедшие обучение кондукторы назначались в помощь лесничим для осуществления надзора за лесной стражей, распоряжения лесными работами, отвода лесосек, клеймения деревьев, освидетельствования заготовок. Кондукторы занимали промежуточное положение между администрацией лесничества и лесной

стражей, но эта должность была поставлена вне системы чиновничества. Закон предусматривал получение кондукторами офицерского звания (прапорщик Корпуса лесничих) за двадцатилетнюю беспорочную службу; затем была введена норма, согласно которой кондукторы «за усердную и долговременную службу или за особые заслуги по лесной части» награждались званием личного или потомственного почетного гражданина. Однако четкого механизма реализации этой нормы в законе не содержалось, поэтому в большинстве случаев после окончания службы кондукторы оставались в прежнем, преимущественно податном сословии.

Система подготовки кондукторов на ранних этапах своего существования действовала достаточно продуктивно, готовя, по оценкам лесничих, «безучастных к всевозможным лишениям», «крайне нетребовательных относительно материальных средств» надежных и исполнительных работников. Однако в пореформенное время ситуация изменилась. М.М. Орлов писал, что система подготовки лесных кондукторов, на которую возлагались большие надежды, их не оправдала. Ожидаемый тип кондуктора выпускника лесной школы, скромного, трудолюбивого и непритязательного работника, оказался далек от действительности. В результате получился тип «полуинтеллигента, схватившего верхушки общих и специальных знаний, мало склонного к тяжелой исполнительной службе в лесу, недовольного своим общественным положением, стремящегося к высшим ступеням служебной лестницы, что сказывалось во всем, начиная от стремления изменить свою форменную одежду, приближая ее к форме чинов Корпуса лесничих, и кончая более существенными требованиями» [1. С. 154]. В итоге лесничие теряли в лице кондукторов помощников, а вся отрасль испытывала трудности комплектования нижнего управленческого звена ответственными сотрудниками.

Нормативный запрет на использование кондукторов в качестве канцелярских служащих нарушался повсеместно, поскольку средств, отпускаемых на содержание писцов и делопроизводителей в лесничествах, хронически не хватало. Лесные кондукторы были недовольны своим должностным положением, характеризовавшимся большим объемом обязанностей при сравнительно незначительном объеме прав. Представители этой категории лесных служащих за массу должностных обязанностей, невысокое должностное положение и небольшое жалование получили в профессиональной среде прозвище «лесные подшпики», а сами кондукторы часто называли себя «пасынками лесного ведомства».

Изменившаяся в пореформенный период социально-экономическая обстановка потребовала от лесного ведомства приспособления к новым условиям хозяйствования. Перемены, произошедшие в обществе, коснулись и лесной сферы, которая, как «маленький челнок за большим кораблем, следовала за духом века». Задачами, стоявшими перед лесным ведомством, являлись повышение доходности казенных лесов, проведение лесоустройства, размежевание лесов различных категорий и выделение крестьянских лесных

участков, сохранение лесов от истребления пожарами и самовольными порубками. Решение этих и других насущных проблем было возможно лишь при условии проведения дальнейшей оптимизации и модернизации системы организации лесной службы.

Характеризуя сложившуюся к началу 1860-х гг. ситуацию в лесоуправлении, Ф.К. Арнольд писал, что «круг обязанностей лесничего очерчен столь широко и шатко, что в служебных его отправлениях, кто только пожелает, всегда может найти вину перед законом, хотя и не всегда пред совестью; административная централизация чрезмерна, а между тем, нет достаточного настоящего контроля, не бумажного, а делового» [15. С. 509]. На страницах ведомственных изданий обсуждалась проблема практически полного отсутствия самостоятельности в служебной деятельности лесничего. П. Жудра в своей работе, опубликованной в «Лесном журнале» в 1875 г., писал, что «несмотря на бесчисленные обязанности и громадную ответственность, лесничий в то же время лишен всякой самостоятельности и личной инициативы. ...во всех сферах административной деятельности он связан подробным регламентом, отступление от которого, хотя бы в интересах лесного дела, влечет за собой суровую ответственность» [16. С. 43].

Реформирование началось с демилитаризации лесной службы в 1869 г. Офицерам Корпуса лесничих воинские звания были заменены на гражданские чины с повышением на один классный чин. Многие черты военной службы сохранились в лесном ведомстве и в последующий период. Сюда можно отнести наличие у лесничих гражданского мундира военного покрова со знаками различия, особую корпоративность организации, наличие оружия, порядок производства в чины по старшинству и за отличия, как это было принято в военном ведомстве. В состав Корпуса могли входить не только служащие казенного лесного ведомства, но и лесничие, состоявшие на частной службе. С 1872 г. было введено новое временное штатное расписание и установлены более высокие оклады денежного содержания для чинов Корпуса лесничих [17. С. 817–818].

В пореформенный период произошел ряд изменений в организации лесной службы на губернском уровне. С 1866 г. казенные палаты начали заменяться губернскими управлениями государственных имуществ; в ряде губерний начальники управлений становились одновременно губернскими лесничими. На протяжении последующих лет шел активный поиск оптимальной модели управления государственными имуществами в регионах, результатом чего стало появление управлений, формировавшихся не по административно-территориальному, а по хозяйственному принципу и объединявших несколько губерний.

Правительство обратило внимание на восточные окраины империи. Существовавшее с 1884 г. Управление государственными имуществами Западной Сибири в 1893 г. было разделено на Томское, Тобольское и Омское управления. Число ревизоров в Западной Сибири было увеличено, а Восточная Сибирь и Дальний Восток были включены в орбиту казенного лесного ведомства. Ежегодно в стране возникало не-

сколько десятков новых лесничеств (только в Азиатской России за период с 1889 по 1913 г. количество лесничеств увеличилось в 25 раз). В европейской части страны шло увеличение количества лесничеств, прежде всего, за счет дробления более крупных. Это было насущной необходимостью. Так, например, по данным за 1857 г., на 700 штатных должностей лесничих приходилось 100 млн дес. казенных лесов, что превышало западноевропейские показатели в сотни раз [18. С. 208].

В пореформенный период существенно возросла потребность лесного ведомства в квалифицированных кадрах. 1860–1870-е гг. отмечены рядом экспериментов в сфере высшего лесного образования, заключавшихся в учреждении новых лесных и сельскохозяйственных высших учебных заведений, их закрытии, переименовании и перепрофилизации. С 1877 г. возобновил свою работу Санкт-Петербургский лесной институт, а спустя три года было принято новое положение, определявшее порядок организации учебного процесса в институте. Однако самым масштабным преобразованием в сфере лесного образования, произошедшим во второй половине XIX в., на наш взгляд, следует признать складывание общероссийской системы подготовки кадров для комплектования нижнего звена системы управления лесным хозяйством (лесные техники и кондукторы).

Существовавшие в европейской части страны до 1888 г. учебные лесничества, егерские училища и другие учебные заведения, готовившие агентов нижнего управленческого звена лесной службы, не отвечали требованиям системности при подготовке кадров. Некоторые из них вообще не оставили о себе никаких следов. Необходимо было создание такого типа учебных заведений, которые бы функционировали во всех частях страны на общих основаниях. 19 апреля 1888 г. было принято Положение о низших лесных школах, в соответствии с которым предусматривалось учреждение десяти школ, располагавшихся в лесничествах европейской части страны и на Кавказе в тех населенных пунктах, где находилась контора лесничего [19. С. 178]. Школы возглавлялись лесничим и подчинялись в своей деятельности местным управляющим государственными имуществами. Чаще всего в губернии находилась одна школа, но исключение составляли многолесные Пермская, Вологодская и Вятская губернии, в которых функционировало по два низших лесных учебных заведения.

Численность школ неуклонно возрастала, начали появляться школы в азиатской части России. Первой за Уралом стала образованная в 1893 г. Курганская лесная школа (Тобольская губерния), затем последовало открытие Боровской школы в Омском лесничестве Акмолинской области (1895 г.); в 1898 г. начали действовать Боготольская школа в одноименном лесничестве Томской губернии и Ермаковская лесная школа при Абаканско-Енисейском лесничестве (с. Ермаковское Минусинского округа Енисейской губернии); с 1908 г. Пойменная школа (Енисейская губерния) и т.д. К началу 1914 г. в стране насчитывалось 43 низшие лесные школы, из которых 33 находились в губерниях Европейской России, на Кавказе

одна школа и еще 9 за Уралом. К этому же времени общая численность воспитанников всех лесных школ составляла 866 человек, а всего за двадцатипятилетний период существования школ было подготовлено более шести тысяч лесных кондукторов [20. С. 72].

Деятельность низших лесных школ осуществлялась на основе устава, принятого в мае 1888 г. Он практически дословно повторял Положение, но вносил некоторые уточнения в порядок организации учебного процесса. Так, устанавливалось деление учебного курса на четыре полугодия: два зимних для классных и домашних занятий и два летних для получения практических навыков в лесных дачах школьного лесничества. Каникулярным временем считался период с 20 декабря по 10 января.

От имени региональных управлений государственными имуществами публиковались объявления, в которых описывались требования к поступающим и содержание вступительных экзаменов, определялся размер платы за обучение для своекоштных воспитанников. К вступительным испытаниям в низшие лесные школы допускались лица мужского пола в возрасте 16–18 лет, однако в ряде случаев допускалось снижение или увеличение возрастного ценза. По данным за 1913 г., подавляющее большинство воспитанников низших лесных школ относилось к возрастной категории от 16 до 20 лет (70,3%), следующей по численности была категория от 20 до 25 лет (22,9%), и, наконец, самые возрастные ученики старше 25 лет составляли 6,8% от общего числа обучавшихся [20. С. 72].

Несмотря на то что устав низших лесных школ предусматривал возможность поступления в них представителей всех сословий, существовало негласное правило принимать в лесные школы юношей, происходивших из «простого народа». Это объясняется, прежде всего, особенностями прохождения службы выпускников школ. Лесной департамент предписывал местной администрации принимать меры к распространению сведений об открывающихся школах «среди того класса людей, дети которых по своей способности и привычке к физическому труду и скромной сельской жизни были бы наиболее пригодны для замещения должности лесных кондукторов». Но на практике среди воспитанников школ преобладали горожане, отсутствие у которых представления о сельской жизни существенно затрудняло их дальнейшую адаптацию на новых местах службы, проходивших в подавляющем большинстве случаев в сельской местности.

Кандидат на обучение должен был иметь уровень начального образования не ниже сельского двухклассного училища. Соискатели проходили вступительные испытания по русскому языку, арифметике, географии и истории. Учитывалось также наличие практического опыта. При зачислении предпочтение отдавалось тем кандидатам, успешно выдержавшим вступительные экзамены, которые до поступления проработали в школьных лесничествах не менее года и получили положительные характеристики. Соответствовавшие всем требованиям и показавшие наилучшие результаты абитуриенты зачислялись в школы на

казенный кошт. Устав определял, что общее количество учеников в школе не должно было превышать 20 человек (по 10 учеников в каждом классе). За казенный счет обучалось около $\frac{3}{4}$ всех воспитанников. Остальные ученики поступали на своекоштные места.

Подготовка будущих лесных кондукторов должна была носить преимущественно практический характер, поэтому «сведения теоретические сообщаются ученикам в виде кратких положений». В течение двухлетнего срока обучения воспитанники должны были изучить закон божий, русский язык, арифметику, явления природы, съемку и нивелировку с черчением, лесоводство, строительное искусство, законоведение, делопроизводство и правила охоты. В свободное от учебных занятий время воспитанникам разрешалось чтение «русских классиков под наблюдением учебного персонала» [21. Л. 19].

Организация учебных занятий была подчинена идее целесообразности и практической направленности обучения. Заведующий школой мог по своему усмотрению перенести теоретические занятия на ненастные дни, а в период благоприятных погодных условий направить воспитанников в лесные дачи для отработки практических навыков. Кроме того, предусматривалась своеобразная делопроизводственная практика в лесничествах путем участия обучающихся в рассмотрении дел и бумаг в канцелярии и исполнении поручений лесничего по переписке ведомостей, отчетов и прочей служебной документации.

Преподавателями выступали лесничий и его помощники, а также приглашенные «законоучители». Одновременно с принятием Положения 1888 г. были утверждены штаты лесных школ. Размер жалованья заведующего школой соответствовал высшему окладу содержания лесничего I разряда. Материальное обеспечение преподавателей признавалось удовлетворительным, поскольку находилось на уровне лесничего II разряда. Однако «текучесть» кадров все же была. Эту проблему предлагалось решать не увеличением размера жалованья, а путем установления обязательного минимума нахождения в должности преподавателя в течение трех лет, недопущением переводов преподавателей на другие должности в лесничествах в течение учебного года, а также перемещением «проштрафившихся» преподавателей в лесничества на должности помощников лесничих.

В соответствии с положением и уставом 1888 г. выпускники школ направлялись на лесную службу на должности кондукторов. В начале XX в. эта практика была скорректирована, и лица, окончившие курс в лесных школах, стали назначаться на службу по лесному ведомству для исполнения низших должностей (надзирателей, съемщиков, чинов лесной стражи и т.п.) [22. С. 1135]. Определение будущей должности выпускника школы относилось к компетенции управляющего государственными имуществами. После отбывания воинской повинности (или освобождения от воинской службы) и достижения совершеннолетия (21 год) выпускники производились в должность лесных кондукторов. Обучавшиеся за казенный счет были обязаны отработать не менее трех лет (полтора года за каждый год пребывания на казенном содержа-

нии). Законодательством была предусмотрена возможность поступления с разрешения Лесного департамента кондукторов на службу к частным лесовладельцам с сохранением некоторых привилегий по должности и права ношения форменной одежды.

Кондукторами могли также становиться лица, не прошедшие курс обучения в лесных школах, но имевшие опыт практической работы в казенных лесничествах в течение двух и более лет. Для подтверждения практических знаний им было необходимо пройти соответствующие квалификационные испытания. Также отдельно оговаривалась возможность занять должность кондуктора русскими поданными, окончившими курсы в заграничных высших специальных учебных заведениях «по лесной части».

После учреждения в 1894 г. Министерства земледелия и государственных имуществ Лесной департамент и Корпус лесничих продолжали функционировать в его составе, но у лесного ведомства был изъят ряд несвойственных ему функций по осушению болот, земскому обложению казенных земель и т.п. В марте 1894 г. было утверждено новое штатное расписание Лесного департамента, изменения в которое внеслись в дальнейшем в 1899 и 1902 гг.

К началу XX в. департамент состоял из восьми отделений, каждое из которых ведало определенным вопросом (личный состав, пользование оброчными статьями, деятельность лесной стражи, ведение дел о нарушениях Лесного устава, лесоустройство и лесокультурные работы, лесная статистика, учебные заведения, лесозэксплуатация, лесоохрана, финансово-экономическая и сметная деятельность). Вопросы, не входившие в компетенцию ни одного из отделений, либо затрагивавшие сферу деятельности нескольких из них, решались на общем присутствии департамента. Также при Лесном департаменте начал функционировать Лесной специальный комитет, в состав которого вошли ведущие специалисты в области лесного хозяйства, в том числе директора департамента и Лесного института. Комитет должен был решать технические вопросы. Перед лесной службой в целом была поставлена задача «охранения и умножения лесов казенных, устройства в них правильного хозяйства и извлечения из оных дохода, а также сбережения частных лесов и поощрения лесоразведения» [23. С. 141–152].

Последовавшие за учреждением нового министерства административные преобразования в лесной отрасли базировались на выводах специальной комиссии, сформированной в 1893 г. при Лесном департаменте. Главнейшими недостатками лесного управления были названы большие площади лесничеств, малочисленность служащих, слишком высокая степень централизации, огромные объемы канцелярской работы, недостаточность материального содержания. Министр А.С. Ермолов признавал, что «лесничие в казенных лесах связаны по рукам и ногам и отлично сознают свое бессилие, которое ведет к полной с их стороны апатии и формальному исполнению обязанностей» [24. С. 10–11].

Итогом проведенных в конце XIX – начале XX в. реформ стали расширение административно-

полицейской и хозяйственной власти лесничих, сокращение объемов переписки, учреждение лесных съездов, которые на своих ежегодных заседаниях давали лесничим возможность обсуждать насущные проблемы и участвовать в принятии управленческих решений. С 1897 г. лесничество получили право вместо судебно-полицейского разбирательства, на основе протокола, в течение семи дней составлять административное постановление о наложении денежного взыскания на обвиняемого по статьям 155, 156 и 158¹⁻⁵ Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Нововведение, которое должно было существенно модернизировать механизм правовой защиты казенных лесов, было неоднозначно оценено представителями лесной службы. Так, Д.К. Сажин на страницах Лесного журнала отмечал, что закон от 7 апреля 1897 г. «удвоил и даже утроил канцелярскую работу лесничего». Развивая свой тезис, автор пишет, что до принятия этого положения в обязанности лесничего входило только составление протокола и направление его в суд. Дальнейшая переписка о движении дела осуществлялась через канцелярию управления государственными имуществами. После 1897 г. делопроизводство по делам о нарушениях Лесного устава, решаемых в административном порядке, было перенесено в канцелярии лесничеств. По данным за 1907 г., в административном производстве лесничего европейской части страны находилось в среднем около 400 дел, а в ряде губерний этот показатель превышал 2 000 дел. В результате «лес из-за облака бумаг, сиротливо остается в туманной дали» [25. С. 886].

Несмотря на предоставление лесничим известной автономии, лесная служба оставалась централизованной. Управление казенными лесами и землями на местах находилось в ведении управлений, которые, как уже отмечалось, могли объединять территории нескольких губерний (областей). Начальники управлений хотя и не относились к лесной службе, являлись непосредственными руководителями лесничих. Такая практика многими признавалась ошибочной, поскольку начальники могли быть крайне далеки от понимания принципов ведения лесного хозяйства. Ревизоры, освобожденные от заведования лесничествами, отвечали за осуществление контроля за деятельностью лесничих, объединенных одним лесохозяйственным районом. Территории лесничеств состояли из лесных дач и формировались, исходя из требований рационального ведения лесного хозяйства, поэтому могли не совпадать с административными границами уездов (к 1914 г. в европейской части России насчитывалось 1 224 казенных лесничества, включавших в себя 9 698 лесных дач). Управление лесничеством поручалось лесничему (должность имела три разряда), помощь которому могли оказывать помощники и кондукторы. К началу XX в. на службе в Лесном департаменте состояло 3 тыс. человек, из которых около 700 человек относились к центральному аппарату и более 2 тыс. — к местному управлению (лесные ревизоры, лесничество, помощники лесничих, лесные кондукторы).

В начале XX в. объем должностных обязанностей администрации лесничеств существенно вырос. Лес-

ничий отвечал не только за правильное ведение хозяйства в вверенных ему дачах, но и обеспечивал сохранность казенного, а в некоторых случаях и частного леса, осуществлял учет поступающих в казну доходов от эксплуатации государственных имуществ, выступал в качестве представителя государства в судебных заседаниях, планировал и руководил производством лесных работ, участвовал в земельных размежеваниях, вел обширную переписку с различными учреждениями и ведомствами, наконец, руководил всеми служащими в лесничестве. Помощники и кондукторы осуществляли надзор за лесной стражей, освидетельствовали лесозаготовки, отводили лесосеки и определяли делянки и т.п.

Система лесоуправления и организации лесной службы хотя и была существенно модернизирована на рубеже XIX и XX вв., все же имела ряд существенных недостатков. Критические оценки звучали от представителей ведомства, которые были заинтересованы в развитии отрасли. Так, профессор Лесного института М.М. Орлов в известной работе «Нужды русского лесного хозяйства», изданной в 1906 г., писал, что «существующий строй организации казенного лесного управления имеет много недостатков, из которых главнейшие заключаются в следующем: значительная удаленность и оторванность центрального управления от местных управлений, почти полное отсутствие контроля местных управлений со стороны центрального управления, крайнее несовершенство организации губернских органов казенного лесного управления, отсутствие правильных оснований в деятельности чинов в лесничествах, дезорганизация специальных видов казенной лесной службы, и прежде всего, лесоустройство, и наконец, неопределенность, случайность и необеспеченность в служебном положении чинов казенного лесного управления, а также и чинов казенной лесной стражи» [1. С. 53]. Развивая эту мысль, М.М. Орлов приходит к выводу о том, что, несмотря на предоставление местной лесной администрации определенной автономии, служебное и общественное положение лесничих продолжало ухудшаться.

В начале XX в. продолжали действовать устаревшие нормы временного штатного расписания 1872 г., действие которых в 1897 г. было продлено впредь до разработки и утверждения новых штатов. В 1910 г. по инициативе депутата Государственной думы, члена фракции октябристов, лесовладельца и лесопромышленника И.А. Меньшикова было проведено анкетирование представителей местной казенной лесной администрации (всего около 500 анкет). В 1912 г. была издана брошюра «К вопросу о быте чинов Корпуса лесничих», в которой приведены любопытные статистические сведения. Интересно, что в ряде местностей империи лесным служащим было запрещено участвовать в анкетировании, поскольку местные власти не были уверены в том, что это дозволено правительством.

Исходя из анализа полученных в результате анкетирования данных, портрет типичного представителя местной лесной администрации выглядел следующим образом: мужчина в возрасте 40–45 лет, имеющий

семью, состоящую из 4–5 человек, получивший высшее образование в одном из лесных или сельскохозяйственных учебных заведений, имевший стаж службы около 20 лет, избравший свою профессию «из любви к делу», но под воздействием негативных факторов (недостаток средств, механический характер службы, огромный объем канцелярской работы, плохие бытовые условия, невозможность удовлетворить культурные и иные жизненные потребности и т.п.) потерявший интерес к службе и исполняющий обязанности равнодушно и под влиянием боязни расстаться с «насиженным местом и привычной обстановкой» [26. С. 11–17].

Материальный фактор отмечался как одно из важнейших условий усиления кадрового потенциала лесной отрасли. Уровень материального обеспечения представителей местной лесной администрации в начале XX в. определялся штатами 1872 г., однако за несколько десятилетий жизнь значительно подорожала, а потребности увеличились. В сравнении с другими представителями государственной службы, лесничие находились в худшем положении с точки зрения уровня материального обеспечения. Это приводило к «настоящему бегству из лесного ведомства, которое приняло характер массового явления» [27. С. 25].

Ежегодный доход представителя местной лесной администрации складывался из нескольких статей: жалованье, столовые, квартирные, разъездные и канцелярские деньги, постоянная прибавка, доходы, получаемые от земельного надела, денежные поощрения (награды), разного рода пособия и иные заработки. Лесным чиновникам было запрещено заниматься какой-либо частной службой или иметь официальный сторонний заработок. Тем не менее некоторые лесничие практиковали, например, частные уроки и тому подобные способы улучшения своего материального положения. Но все же для большинства лесных служащих единственным средством материального обеспечения являлась служба и вознаграждение за нее.

Размер оклада жалованья зависел от должности и чина и колебался в пределах от 600 до 1 500 руб. К этим средствам добавлялись столовые (около 300 руб.), квартирные, разъездные (около 400 руб.) и канцелярские (около 200 руб.) деньги. Помощники лесничих и кондукторы получали те же выплаты (кроме канцелярских расходов), размер которых был меньше примерно в два раза.

Размер и само наличие постоянной прибавки зависели от условий и места прохождения службы. Так, служащие лесоустройства такую прибавку не получали, поскольку в их заведовании не было лесничеств. Средний размер прибавки составлял 300–400 руб., но в удаленных районах сумма могла увеличиваться до 600 руб. в год. С 1896 г. лесным служащим «за полезную и усердную службу при общем возвышении лесного дохода» предусматривалась выплата специальных премий, а также ежегодных доплат к жалованью [28. С. 57–58].

Выплата денежных наград и пособий носила непостоянный характер и охватывала далеко не весь личный состав Корпуса лесничих. По данным анкетирования, около 30% служащих вообще не получали такого рода денежных поощрений.

Профессор М.М. Орлов в 1906 г. отмечал неочевидную, на первый взгляд, ситуацию, при которой разного рода доплаты, полагавшиеся лесным чиновникам, не влияли на увеличение размера пенсии, который рассчитывался исходя из оклада. Далее он делал неутешительный вывод о том, что «в отношении пенсий чины казенного лесного управления разделяют судьбу почти всех русских служащих на государственной службе, для которых законная пенсия есть наказание, а справедливая или так называемая усиленная пенсия есть милость».

Лесные служащие имели право на получение казенного земельного участка для хлебопашества или сенокосения в размере до 30 десятин (15 десятин для помощника лесничего и кондуктора). Полученный надел или его часть чиновник мог сдавать в аренду, но с разрешения начальника управления государственными имуществами и сроком на один год. Правом сдачи в аренду лесничие пользовались значительно чаще, чем возможностью самостоятельно вести сельское хозяйство. Существенным недостатком системы сдачи в аренду служебного надела являлось то, что не учитывались региональные особенности нашей огромной страны, в разных местностях которой стоимость арендной платы, а соответственно доходы лесничих, могли разниться в десятки и даже сотни раз.

При пользовании наемными или отводимыми им сельскими обществами квартирами лесные служащие, в соответствии с Уставом о земских повинностях, снабжались за казенный счет топливом из расчета 1/3 саж. трехполенных дров в каждый зимний месяц на голландскую печь (одна печь на одну комнату) и 2 саж. на кухню в год.

В случае если льготы нельзя было предоставить в натуральном виде, они монетизировались. Так, например, были предусмотрены выплаты денежной компенсации за непредоставление казенной квартиры и земельного надела. Размер компенсации определялся Лесным уставом и Уставом о службе по определению от правительства (Свод законов издания 1857 г. Т. 3). Устав о службе (ст. 1127) предполагал возможность получения квартирных денег в размере от 22 до 90 коп. в сутки в зависимости от класса чиновника (итоговая сумма колебалась в пределах 80–110 руб. в год). Лесной устав 1857 г. (ст. 78) предписывал за каждую неотведенную десятину земли выплачивать лесничему от 2 до 3 руб. Эксплуатация земельного надела (аренда, продажа сена и т.п.) была более выгодной с точки зрения доходности, чем получение денежной компенсации за его непредоставление. По данным на 1910 г., средний годовой доход, получаемый от земельного надела, составлял сумму около 300 руб., тогда как размер денежной компенсации колебался в пределах от 75 до 95 руб. [26. С. 25].

Учитывая, что неудовлетворенность уровнем материального обеспечения среди лесных служащих была явлением практически повсеместным, правительство предпринимало попытки наладить систему нематериального стимулирования. Так, в 1898 г. Лесной департамент отмечал столетие своей деятельности, в связи с чем было подготовлено юбилейное из-

дание, учреждены особые нагрудные памятные знаки, а служащим лесного ведомства была присвоена новая форма, заменившая существовавшее с 1876 г. форменное обмундирование. Внешнему виду лесных служащих уделялось пристальное внимание. На протяжении дореволюционного периода форменное обмундирование менялось несколько раз. Обсуждались даже такие мелочи, как поперечные или продольные плечевые погоны; предпочтение было отдано последним, так как считалась, что такая форма выглядит более внушительно в глазах местного населения.

Лесной институт в 1902 г. получил новое положение, позволившее увеличить объем расходов на организацию учебного процесса. В честь столетия высшего учебного заведения ему было присвоено звание императорского (после начала Первой мировой войны институт стал именоваться Императорским Петроградским лесным институтом). В перечень преподаваемых в течение четырехлетнего периода обучения дисциплин были включены прикладная механика, лесоуправление, сельское хозяйство, плодоводство и огородничество и французский язык. Окончившие обучение должны были готовить выпускную квалификационную работу по вопросам развития казенного лесного хозяйства. Ежегодно институт выпускал около 80–100 человек. Численность обучавшихся в институте студентов постепенно возрастала (с 394 в 1889 г. до 644 в 1913 г.) [18. С. 344–345]. По официальным данным, за 1905–1911 гг. из 408 выпускников продолжили службу в Корпусе лесничих только 286 человек (70%), остальные предпочли трудиться в других ведомствах или выбрали иные направления деятельности.

Деятельность учебных заведений давала свои плоды. Доля служащих лесного ведомства, имевших специальное образование, постепенно возрастала: 16% в 1837 г., 28% в 1857 г., 53% в 1881 г., 82% в 1893 г. [7. С. 58]. Необходимо при этом отметить, что сложившаяся в лесном ведомстве практика допускала искусственное повышение данного показателя за счет приравнивания агрономического образования к лесоводственному. П. Жудра писал, что около половины лесничих, чьим заботам поручен государственный лес, «имеют равносильное понятие о рациональном лесном хозяйстве, как об обитателях Луны» [16. С. 49]. Такая ситуация становилась возможной, в том числе потому, что долгое время при поступлении на лесную службу по должности лесничего не требовалось ни наличия специального образования, ни сдачи квалификационных экзаменов. Но даже и получение диплома об окончании высшего учебного заведения не являлось гарантией наличия у выпускника необходимых знаний и навыков, что объяснялось недостатками системы образования.

Профессор М.М. Орлов, имеющий самое непосредственное отношение к системе лесного образования, указывал на то, что ее недостатки предопределялись, с одной стороны, общим не вполне удовлетворительным состоянием высшей школы, а с другой – особенностями постановки учебного процесса в лесных учебных заведениях. Будущие лесоводы изучали

биологические особенности леса, но мало внимания уделяли лесной технологии, практически полностью отсутствовала практическая направленность и преобладали теоретические занятия над практическими. Преодоление этих недостатков виделось в разделении высшего лесного образования на лесохозяйственное, лесотехническое и лесоинженерное, увеличении практической нацеленности обучения, развитию на базе высших учебных заведений лесоводческой науки и т.п. К сожалению, реализация этих и других предложений, направленных на оптимизацию системы высшего профессионального образования, в дореволюционный период не была осуществлена.

Начало XX в. стало временем активного развития лесной отрасли Российской империи. В связи с общим оживлением хозяйственной жизни в Сибири правительство обратило внимание на колоссальный потенциал, который был скрыт в необъятных лесных массивах Азиатской России. Доходность казенного лесного ведомства за период с 1889 по 1913 г. увеличилась с 19 до 96 млн руб. Доходы от лесозаготовки составляли 2% государственного бюджета [29. С. 8]. Основными источниками доходов казенного лесного ведомства являлись поступления от хозяйственных заготовок леса и его продажи на корню, побочных пользований, денежных взысканий за лесонарушения. Уже с 1863 г. валовой доход от лесозаготовки превышал расходы на обеспечение функционирования лесохозяйственного механизма, которые к 1914 г. составляли около трети доходной части. Лесное хозяйство постепенно становилось не только самоокупаемой, но и прибыльной отраслью государственного хозяйства. Однако необходимо учитывать, что в развитии лесной отрасли продолжали преобладать экстенсивные черты. Включение в лесохозяйственный оборот все новых лесных массивов приводило к сокращению лесистости. В европейской части страны к 1914 г. средний показатель лесистости сократился с 37 до 32%; в восточных районах проблема обезлесения также стояла очень остро. В наиболее населенных местностях лес испытывал большую антропогенную нагрузку, а труднодоступные таежные массивы выпадали из сферы хозяйственных интересов казенного лесного ведомства.

Современниками отмечалась громоздкость и сложность системы казенного лесоуправления, что обуславливалось наличием в правовых актах, прежде всего Лесном уставе, анахроничных норм, различных форм лесной собственности и лесопользования. После учреждения Главного управления землеустройства и земледелия в 1908 г. были приняты новые штаты Корпуса лесничих (1912 г.), заменившие собой штатное расписание 1872 г., расширены административные полномочия лесных ревизоров, сформированы Лесные советы при управлениях земледелия и государственных имуществ, принципиально переработан и внесен на рассмотрение в Государственную думу проект Лесного устава (1913 г.).

Новые штаты 1912 г. предусмотрели увеличение численности служащих и разделение лесных чиновников местного управления на осуществлявших кон-

троль и технический надзор (ревизоры), заведующих хозяйственными единицами (лесничие), состоявших при лесоохранительных комитетах (в европейской части страны). Должностные оклады представителей лесной администрации были увеличены в среднем более чем в два раза [30. С. 921–922]. Уточнены правила пользования безотчетными разъездными деньгами и суммами, отпускаемыми на канцелярские расходы. Также было предусмотрено введение «районного коэффициента» повышения размера оклада лесным служащим некоторых районов на 10% (Архангельская, Вологодская губерния, Туркестан, Закавказье, Западная Сибирь), 20% (Восточная Сибирь) и 30% (Дальний Восток). Ситуация с низким уровнем материального обеспечения казенных лесных служащих стала постепенно исправляться.

К началу 1914 г. в штатах Корпуса лесничих числилось 3 849 служащих, в том числе 216 лесных ревизоров, 1 489 лесничих, 258 помощников лесничих, 129 преподавателей низших лесных школ, 92 секретаря и техника лесоохранительных комитетов, 1 665 лесных кондукторов; кроме того, на службе состояло 710 чинов лесоустройства (ревизоры лесоустройства, старшие и младшие таксаторы, кондукторы), 278 служащих овражно-песчаных партий, 275 межевых чинов и 54 представителя профессорско-преподавательского состава лесного института [20. С. 56]. За десятилетний период (с 1904 г.) общая численность служащих центрального и местного управления лесного ведомства возросла почти на тысячу штатных единиц (с 2 938 до 3 849).

Начавшаяся Первая мировая война нанесла тяжелейший удар по лесной отрасли, только вставшей на путь интенсивного развития. Мобилизация негативно отразилась на кадровом составе лесного ведомства. Служащие практически всех должностных категорий призывались в действующую армию. Для преодоления дефицита кадров Лесной департамент с 1916 г. разрешил назначать на должности в лесном управлении женщин.

Известнейший отечественный лесовод Г.Ф. Морозов на I Всероссийском съезде лесоводов весной 1917 г. в своем докладе «О нуждах лесного образования» отмечал, что наряду с продовольственным и топливным голодом страна испытывает кадровый голод в лесной сфере [29. С. 23]. Он настаивал на открытии новых лесных вузов прежде всего в Сибири, ресурсы которой должны были стать основой благосостояния новой России. После Великой Октябрьской революции 1917 г., повлекшей за собой национализацию лесов, смену государственной лесной политики и резкое увеличение объемов лесозексплуатации, возникла необходимость в перепрофилировании системы образования с лесоводческого на лесотехнический профиль. Вновь образованные и продолжавшие функционирование высшие лесные учебные заведения, в том числе Петроградский лесной институт, перешли на подготовку лесных инженеров различных специальностей.

Таким образом, развитие отечественной лесной отрасли напрямую зависело от организации системы лесоуправления и эффективности ее деятельности. На протяжении всего дореволюционного периода прави-

тельство пыталось создать работоспособную систему управления лесным хозяйством, которая могла бы решать две важнейшие задачи – сохранение казенных лесов и повышение доходности их эксплуатации. Способы и направления модернизации на разных этапах развития общества и народного хозяйства были различны, но их основное содержание было общим укреплением кадрового потенциала лесной службы. Для этого была сформирована система лесного образования, дававшая отрасли специалистов для занятия различных административно-управленческих должностей, предпринимались меры по повышению престижа должности лесного чиновника за счет увеличения уровня материального обеспечения и развития мер нематериального стимулирования.

В одночасье проблемы такого уровня решить было невозможно. Несмотря на наличие системы лесного образования, отрасль постоянно испытывала потребность в подготовленных кадрах. Это было связано с явно недостаточным количеством лесных учебных заведений, проблемами организации в них учебного процесса, общей неразвитостью отечественного лесного хозяйства, отсутствием системы профессиональной подготовки кадров для лесной службы на местах и т.д. Необходимо отметить, что система лесного образования на протяжении рассматриваемого периода находилась в поиске средств и способов решения стоявших перед ней задач.

Не менее важным обстоятельством, влиявшим на эффективность деятельности лесной администрации, являлись характер и организация лесной службы. Недостаточный уровень материального обеспечения, масса разнообразных должностных обязанностей, бытовая неустроенность, отсутствие нормальных условий для осуществления профессиональной деятельности, оторванность от общественной жизни – эти и другие факторы приводили к возникновению таких явлений, как «текучесть» кадров, поиск источников внеслужебных доходов, в том числе незаконных, отсутствие заинтересованности в работе и т.д.

В начале XX в. наметилась устойчивая тенденция к интенсификации лесного хозяйства, что проявилось в увеличении доходов от эксплуатации казенных лесов. Положительные тенденции наметились в сфере лесного образования и организации лесной службы: принято новое положение об организации учебного процесса в Лесном институте, значительно расширена сеть низших лесных школ, увеличен размер денежного содержания чинов Корпуса лесничих, пересмотрена система управления казенными лесами на местах. Реализация перспективных планов развития лесной отрасли, в том числе нашедших отражение в проекте принципиально переработанного Лесного устава, на наш взгляд, позволила бы лесному хозяйству выйти на качественно новый уровень развития. Однако начавшаяся Первая мировая война вначале существенно затормозила поступательное движение лесной отрасли, а случившиеся вслед за ней революционные события коренным образом изменили вектор развития народного хозяйства России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орлов М.М. Нужды русского лесного хозяйства. СПб., 1906.
2. Тюрмер К.Ф. Пятьдесят лет лесохозяйственной практики. М., 1891.
3. Столетие учреждения Лесного департамента 1798–1898 гг. СПб., 1898.
4. Арнольд Ф.К. К истории русского государственного лесного управления. Ч. 2 // Лесной журнал. 1883. Вып. 9.
5. Положение об устройстве Санкт-Петербургского Лесного института. Высочайше утверждено 19 июня 1829 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 4, № 2940. СПб., 1830.
6. Арнольд Ф.К. К истории русского государственного лесного управления. Ч. 1 // Лесной журнал. 1883. Вып. 1.
7. Бейлин И.Г. Очерки по истории лесных обществ дореволюционной России. М., 1962.
8. Положение о Корпусе лесничих. Высочайше утверждено 30 января 1839 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 14. Отд. 1. № 11978. СПб., 1840.
9. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России. СПб., 1999.
10. Шутов И.В. Вехи лесного хозяйства России. СПб., 2012.
11. О премиях лесным чиновникам. Высочайше утвержденная докладная записка министра государственных имуществ от 5 апреля 1843 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 18. Отд. 1. № 16695. СПб., 1844.
12. О составлении по Корпусу лесничих особого наградного капитала. Именной указ от 4 февраля 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 21. Отд. 1. № 19688. СПб., 1847.
13. О правах воспитанников егерских училищ, учрежденных в Министерстве государственных имуществ. Именной указ от 23 июня 1846 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 21. Отд. 1. № 20152. СПб., 1847.
14. Положение о Лисинском учебном лесничестве. Высочайше утверждено 14 октября 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 44. Отд. 2. № 47510. СПб., 1873.
15. Арнольд Ф.К. К истории русского государственного лесного управления. Ч. 3. // Лесной журнал. 1883. Вып. 10.
16. Жудра П. Вопросы дня (продолжение). Местная администрация государственных лесов // Лесной журнал. 1875. Вып. 4.
17. О расписании должностей и окладов содержания чинов Корпуса лесничих. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 7 июня 1872 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 47. Отд. 1. № 50959. СПб., 1875.
18. Редько Г.И., Редько Н.Г. История лесного хозяйства России. М., 2002.
19. Положение о низших лесных школах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 8, № 5158. СПб., 1890.
20. Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 году / под ред. В.В. Фааса. СПб., 2010.
21. Государственный архив Красноярского края. Ф. 401. Оп. 1. Д. 115.
22. Об изменении и дополнении некоторых статей действующего Положения о низших лесных школах. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 22 ноября 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 24. Отд. 1. № 25398. СПб., 1907.
23. Учреждение Министерства земледелия и государственных имуществ. Высочайше утверждено 21 марта 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 14, № 10457. СПб., 1898.
24. Нехорошев Т.В. Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893–1902 гг. СПб., 1903.
25. Сажин Д.К. Хозяйственно-лесоводственная и канцелярско-административная деятельности казенного лесничего // Лесной журнал. 1910. № 7.
26. Меньшиков И.А. К вопросу о быте чинов Корпуса лесничих. СПб., 1912.
27. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910.
28. О кредите на вознаграждение чинов корпуса лесничих при возвышении лесного дохода. Высочайше утвержденное 22 января 1896 г. мнение Государственного совета // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 16. Отд. 1. № 12459. СПб., 1899.
29. Двухсотлетие учреждения Лесного департамента. 1798–1998. М., 1998. Т. 2 (1898–1998).
30. Об установлении штатного расписания должностей и окладов содержания чинов Корпуса лесничих и лесных кондукторов. Закон, высочайше утвержденный 25 июня 1912 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 32. Отд. 1. № 37476. Пг., 1915.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июня 2019 г.

The Organization of Service and the System of Training in the Forestry of Russia During the Pre-Revolutionary Period

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 455, 138–151.

DOI: 10.17223/15617793/455/20

Mikhail O. Tyapkin, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tyapkin@rambler.ru

Keywords: forest service; Forest Department; Foresters' Corps; waldmeister; forstmeister; forester; forest conductor; Forest Institute; primary forest schools.

The article considers the most important questions of the organization of forest service and forest officials' activity, the systems of vocational training of specialists for forest industry. As sources, the author uses the enactments regulating the organization of forest service and training, works of pre-revolutionary forestry specialists and forest administration representatives who assessed the actual situation in forestry, statistical data, archive materials, and historical studies. The methodological basis of the research is a systematic approach and some general and specific scientific methods. As a result of the research, the following conclusions were drawn. The government was interested in the creation of an effective control system of the most valuable state woods. In the 18th century, Russia had almost no professional forest service and system of training, which was caused by the general backwardness of forest industry. The main way to improve forest management during this period was to hire noblemen as waldmeisters and to invite foreign experts. At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the professional forest service was established, as well as the Forest Department, part of the Ministry of Finance, whose task was to raise state revenues from operation of the woods. At the same time, first specialized educational institutions for training forestry specialists were founded in Russia. The transfer of forest management to the Ministry of State Property, which was specially organized in 1837, and the formation of the militarized Foresters' Corps, which united representatives of the central and local forest administration, became the following step. The Ministry authorities took many practical steps to increase the prestige of forest service and develop the system of forest education. In the second half of the 19th century, a new stage in the development of Russian forestry began. It was connected with the reforming of the system of local management of state woods, the expansion of the territory of forest exploitation, the foundation of primary forest schools for training forest conductors. At the end of the 19th and beginning of the 20th centuries, the reforming continued and influenced the increase in the profitability of state forestry. The February revolution did not change the system of state woods control significantly. After the Socialist revolution and nationalization of woods, the organization of forest service changed completely.

REFERENCES

1. Orlov, M.M. (1906) *Nuzhdy russkogo lesnogo khozyaystva* [The Needs of Russian Forestry]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Tyurmer, K.F. (1891) *Pyat' desyat let lesokhozyaystvennoy praktiki* [Fifty Years of Forestry Practice]. Moscow: [s.n.].
3. Anon. (1898) *Stoletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta 1798–1898 gg.* [Centenary of the Forestry Department 1798–1898]. St. Petersburg: [s.n.].
4. Arnol'd, F.K. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya. Ch. 2. [On the History of Russian State Forest Management. Part 2]. *Lesnoy zhurnal*. 9.
5. Russian Empire. (1830) Polozhenie ob ustroystve Sankt-Peterburgskogo Lesnogo instituta. Vysochayshe utverzhdeno 19 iyunya 1829 g. [Regulation on the Structure of the St. Petersburg Forest Institute. Imperially Established on June 19, 1829]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 4. No. 2940. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
6. Arnol'd, F.K. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya. Ch. 1 [On the History of Russian State Forest Management. Part 1]. *Lesnoy zhurnal*. 1.
7. Beylin, I.G. (1962) *Ocherki po istorii lesnykh obshchestv dorevolutsionnoy Rossii* [Essays on the History of Forest Societies of Pre-Revolutionary Russia]. Moscow: GOSLESBUMIZDAT.
8. Russian Empire. (1840) Polozhenie o Korpuse lesnichikh. Vysochayshe utverzhdeno 30 yanvarya 1839 g. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 14. Pt. 1. No. 11978. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
9. Shepelev, L.E. (1999) *Chinovnyy mir Rossii* [The Civil Servants' World of Russia]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB.
10. Shutov, I.V. (2012) *Vekhi lesnogo khozyaystva Rossii* [Milestones of Forestry in Russia]. St. Petersburg: SPbNILKh.
11. Russian Empire. (1844) O premiyakh lesnym chinovnikam. Vysochayshe utverzhennaya dokladnaya zapiska ministra gosudarstvennykh imushchestv ot 5 aprelya 1843 g. [On Bonuses to Forest Officials. The Imperially Established Memorandum of the Minister of State Property of April 5, 1843]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 18. Pt. 1. No. 16695. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
12. Russian Empire. (1847) O sostavlenii po Korpusu lesnichikh osobogo nagradnogo kapitala. Imennoy ukaz ot 4 fevralya 1846 g. [On Drawing up a Special Award Capital for the Foresters Corps. Edict of His Imperial Majesty of February 4, 1846]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 21. Pt. 1. No. 19688. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
13. Russian Empire. (1847) O pravakh vospitannikov egerskikh uchilishch, uchrezhdenykh v Ministerstve gosudarstvennykh imushchestv. Imennoy ukaz ot 23 iyunya 1846 g. [On the Rights of Students of Jaeger Schools Established in the Ministry of State Property. Edict of His Imperial Majesty of June 23, 1846]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 21. Pt. 1. No. 20152. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
14. Russian Empire. (1873) Polozhenie o Lisinskom uchebnom lesnichestve. Vysochayshe utverzhdeno 14 oktyabrya 1869 g. [Regulations on the Lisinsky Training Forestry. Imperially Established on October 14, 1869]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 44. Pt. 2. No. 47510. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
15. Arnol'd, F.K. (1883) K istorii russkogo gosudarstvennogo lesnogo upravleniya. Ch. 3. [On the History of Russian State Forest Management. Part 3]. *Lesnoy zhurnal*. 10.
16. Zhudra, P. (1875) Voprosy dnya (prodolzhenie). Mestnaya administratsiya gosudarstvennykh lesov [Issues of the Day (Continued). Local Administration of State Forests]. *Lesnoy zhurnal*. 4.
17. Russian Empire. (1875) O raspisanii dolzhnostey i okladov sodержaniya chinov Korpusa lesnichikh. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 7 iyunya 1872 g. [On the Schedule of Posts and Salaries of the Ranks of the Forestry Corps. The Imperially Approved Opinion of the State Council of June 7, 1872]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 2. Vol. 47. Pt. 1. No. 50959. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
18. Red'ko, G.I. & Red'ko, N.G. (2002) *Istoriya lesnogo khozyaystva Rossii* [The History of Forestry in Russia]. Moscow: Moscow State Forest University.
19. Russian Empire. (1890) Polozhenie o nizshikh lesnykh shkolakh [Regulation on Lower Forest Schools]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 8. No. 5158. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
20. Faas, V.V. (2010) *Rezultaty byvshego kazennogo lesnogo khozyaystva k 1914 godu* [The Results of the Former State Forestry by 1914]. St. Petersburg: Polytechnic University.
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai. Fund 401. List 1. File 115.
22. Russian Empire. (1907) Ob izmenenii i dopolnenii nekotorykh statey deystvuyushchego Polozheniya o nizshikh lesnykh shkolakh. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo Soveta ot 22 noyabrya 1904 g. [On Amending and Supplementing Certain Articles of the Current Regulation on Lower Forest Schools. The Imperially Approved Opinion of the State Council of November 22, 1904]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 24. Pt. 1. No. 25398. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
23. Russian Empire. (1898) Uchrezhdenie Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv. Vysochayshe utverzhdeno 21 marta 1894 g. [Establishment of the Ministry of Agriculture and State Property. Imperially Established on March 21, 1894]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 14. No. 10457. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
24. Nekhoroshev, T.V. (1903) *Kratkiy obzor deyatel'nosti kazennogo lesnogo upravleniya za 1893–1902 gg.* [A Brief Overview of the Activities of the State Forest Administration for 1893–1902]. St. Petersburg: [s.n.].
25. Sazhin, D.K. (1910) *Khozyaystvenno-lesovodstvennaya i kantselyarsko-administrativnaya deyatel'nosti kazennogo lesnogo* [Economic Forestry and Clerical-Administrative Activities of the State Forester]. *Lesnoy zhurnal*. 7.
26. Men'shikov, I.A. (1912) *K voprosu o byte chinov Korpusa lesnichikh* [On the Lifestyle of Ranks of the Foresters Corps]. St. Petersburg: Tipolitogr. M.P. Frolovoy.
27. Zaytsev, D.M. (1910) *Gosudarstvennoe lesnoe khozyaystvo v svyazi s agrarnoy reformoy i nuzhdami promyshlennosti* [State Forestry in Connection With the Agrarian Reform and the Needs of Industry]. St. Petersburg: Spb. leSoustroit. i zemel.-tekhn. t-vo.
28. Russian Empire. (1899) O kredite na voznagrazhdenie chinov korpusa lesnichikh pri vozvyshenii lesnogo dokhoda. Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gosudarstvennogo soveta [On the Loan for the Remuneration of the Ranks of the Forester Corps with an Increase in Forest Income. The Imperially Approved Opinion of the Council of State on January 22, 1896]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 16. Pt. 1. No. 12459. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
29. VNIITSlesresurs. (1998) *Dvukhsotletie uchrezhdeniya Lesnogo departamenta. 1798–1998* [Bicentenary of the Establishment of the Forest Department. 1798–1998]. Vol. 2. Moscow: VNIITSlesresurs.
30. Russian Empire. (1915) Ob ustanovlenii shtatnogo raspisaniya dolzhnostey i okladov sodержaniya chinov Korpusa lesnichikh i lesnykh konduktorov. Zakon, vysochayshe utverzhdennoy 25 iyunya 1912 g. [On the Establishment of the Staffing Table of Posts and Salaries for the Maintenance of Ranks of the Forester Corps and Forest Conductors. The Law Imperially Approved on June 25, 1912]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 32. Pt. 1. No. 37476. Petrograd.

Received: 14 June 2019